

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ю. Е. Виноградова

Познавательные возможности
дискурс-анализа в социологическом
исследовании

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vinogradova_pozn.pdf

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Елена Юрьевна ВИНОГРАДОВА¹ (к. с., Самарский гос. Университет)

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Преодоление времени и расстояния, к которому так давно стремилось человечество, столкнуло его представителей лицом к лицу. Во многом благодаря развитию науки и технологии в XX веке, появилась возможность выйти за рамки ограниченного сообществом себе подобных жизненного мира, а достижения в области медиа и коммуникации заставили нас «носить на себе как собственную кожу все человечество». Мы — такие разные и такие похожие друг на друга — живем в мире, погруженном в глубины знаков, смыслов и кодов, мы бродим в дебрях языка, которые одновременно нам знакомы и являются для нас открытием, сталкиваемся с явлениями повседневными и уникальными, предсказуемыми и вызывающими недоумение. Мы живем, дышим, действуем и самое главное — говорим. Говорим не только с современниками, но и с теми, кто оставил свои суждения и мысли на страницах многотомных изданий, пожелтевших листах из записной книжки, аудиозаписях и прочее, прочее. Нередко, вспоминая то, о чем нам рассказывали в детстве, мы забываем сообщения из утреннего блока новостей. Мы точно знаем, что завтра скажем на совещании и часто сомневаемся, как выразить самые простые вещи близким людям.

Безусловно, то, что мы говорим, кому, когда и где находит свое отражение в том, как мы говорим. Система ограничений, существующих независимо от нашего знания или незнания о них, постоянно находится в действии, позволяя говорить или заставляя умалчивать о чем-либо, делая те или иные темы доступными или недоступными. Понимание того, что люди могут говорить об одних и тех же вещах по-разному, оказавшись в иных обстоятельствах, постоянно подтверждается коммуникативным опытом человечества. Послание Джорджа Буша Конгрессу и проповедь Джироламо Савонаролы во дворе монастыря Сан-Марко трудно сравнивать, хотя они могут вызвать одинаковые последствия.

Все то, что мы говорим, как и в каких обстоятельствах можно включить в понятие «дискурс», восходящее к французским структуралистам и постструктуралистам,

---

¹ Виноградова Елена Юрьевна — ассистент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований самарского государственного университета; lenavein@mail.ru

в частности — к М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой и многим другим. Однако не стоит ограничивать этот круг только французскими авторами. Проблематика изучения дискурса и использования дискурсивного анализа уже давно вышла за рамки «французской школы» и на сегодняшний день ее решением занимаются исследователи по всему миру. Тому подтверждением служат работы Т. Ван Дейка, целой плеяды его учеников, ряда ученых Южной Америки и Восточной Европы.

Понимание дискурса во всей его сложности и многозначности было представлено П. Серно, однако М. Йоргенсен и Л. Филлипс предприняли попытку обобщить его до уровня поиска «общего знаменателя» во всем многообразии определений. Согласно их мнению, общим является то, что дискурсы — это фиксация значений, которые находятся в изменчивых отношениях. Дискурс — это определенный способ представления мира или какого-то аспекта мира¹. Стоит добавить, что подобная фиксация значений происходит в языке с последующей аккредитацией способов его использования для их репрезентации в дальнейшем.

Понятие «дискурс» (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», использовавшийся М. Фуко) описывает способ говорения и обязательно имеет определение — «какой» или «чей» дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами, спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т. д. Более того, предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты (так называемое социально-конструкционистское определение дискурса). Подобного рода понимание ближе всего к использованию этого термина в социологии. По сути дела определение «какой» или «чей» дискурс может рассматриваться как указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия.

Французский исследователь М. Пешё в своих работах конкретизировал сам термин и определил грани его применения в гуманитарных науках. Прежде всего, его определение дискурса не сводится только к понятию речи субъекта или текста, им произведенного. Здесь появляется понятие «подчинения», определяющее степень воздействия идеологии на смысловые референции субъекта речи². Полемика представителей французской школы анализа дискурса разворачивается в контексте «сопротивления» и «подавляемых идеологий». На таком фоне становится очевидным, почему П. Серно выделяет особый предмет дискурсивного анализа, в качестве которого, по его мнению, могут выступать только тексты «в полном смысле», а именно:

- произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания;

¹ Филлипс, Л., Йоргенсен М. Дискурс—анализ. Теория и метод./Пер с англ. — Харьков: Изд—во «гуманитарный центр», 2004. С. 219

² Серно П. Как читают тексты во Франции.// Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 34

- наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью¹.

Ограничением при производстве дискурса становится все то, что помимо языка делает дискурс определенным, конкретизирует его, а именно — формирующая дискурс культурно-историческая ткань². Такой подход позволяет выйти за рамки субъективной осмысленности речи и подняться на тот уровень, который отражает институциональный аспект производства дискурса, а также — контекстуальный аспект. Первый, на мой взгляд, лучше всего вписывается в теории П. Бурдьё, а второй — представлен во всей своей полноте в работах Т. Ван Дейка. Взаимодополняющее сочетание субъективного, институционального и контекстуального аспектов формирования дискурса показывает, что смысловое поле значений, присвоенных субъектом, неоднородно, а следовательно, можно говорить о том, насколько каждый из аспектов доминирует в процессе производства дискурса в том или ином случае. Ответ на этот вопрос предполагает решение целого ряда задач в рамках социологического исследования.

Учитывая, что все вышеперечисленные аспекты представлены в текстах, дискурсивный анализ, в основу которого положен анализ зафиксированного в тексте значения, начинается, прежде всего, с обращения к понятию «архив», используемого в постмодернистской традиции. Содержательный аспект этого понятия состоит в том, чтобы показать, что каждая историческая эпоха во всей своей оригинальности и неповторимости представлена в разного рода текстах, которых существует огромное множество, но, несмотря на это — с новой эпохой на смену ему придет другой «архив», обеспечивая «забвение» предыдущего³. Проще говоря, в коммуникативном смысле при создании дискурсивных практик человечество всякий раз заново «изобретает велосипед».

Описывая архивный анализ документов, М. Пешё отмечает, что процесс чтения документов представляет собой огромное поле для дискуссии, поскольку существует множество различных, даже противоположных способов чтения архива, понимаемого в широком смысле как совокупность документов, релевантных и способных быть отнесенными к некоторой проблеме⁴. Благодаря такому массовому документированному видению проблемы исследователь приобретает способность восстанавливать контекст, отсутствие которого является камнем преткновения в изучении социальной реальности. Таким образом, благодаря чтению архива может быть реализована объективирующая функция дискурс-анализа.

Субъективирующая функция состоит в том, что чтение есть реконструкция и «чтение буквальное», являясь чтением аналитическим, представляет собой «чтение интерпретирующее», которое априори уже представляет собой письмо⁵. Иными сло-

---

¹ Серию П. Как читают тексты во Франции.// Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 27

² Там же. С. 36

³ Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. — М., 2001. С.16

⁴ Пешё М. Что значит читать архивный документ сегодня.// Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 293

⁵ Там же. С. 293.

вами, архив субъективируется, проходя сквозь ментальные конструкты читающего. Следовательно, достижение баланса в соотношении субъективирующей и объективирующей функций дискурс-анализа ставится под вопрос.

Однако решением этой проблемы, отчасти позволяющим говорить о нивелировании субъективирующей функции объективирующей, служит понятие интердискурсивности или интертекстуальности.

Поль Анри, специалист в области истории и философии науки, пишет, что всякая дискурсивная последовательность — будь то фраза, предложение или тематически завершенная часть текста — высказывание (топик) основана на возможности соотнести эту последовательность с более глобальным массивом: дискурсивной формацией. Это не означает, говорит Поль Анри, что при чтении одного текста надо непременно обращаться к другому, но, тем не менее, иллюзия того, что сам говорящий или пишущий является первоисточником своих слов и своего дискурса обеспечивается таким механизмом как «забвение»¹. Интертекстуальность можно описывать и изучать с двух позиций — читательской и авторской. С точки зрения читателя способность выявления в том или ином тексте интертекстуальных ссылок связана с установкой на более углубленное понимание текста или предотвращение его непонимания за счет выявления его многомерных связей с другими текстами.

С точки зрения автора интертекстуальность — это (в дополнение к установлению отношений с читателем) также способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через выстраивание сложной системы отношений с текстами других авторов. Это могут быть отношения идентификации, противопоставления или маскировки.

Общим для всех подобных текстов является их значимость для определенного коллектива, то есть они содержат высказывания, разделяемые его членами, усиливаемые ими, значимые для них. Цель анализа состоит в том, что происходит выстраивание определенных позиций, отраженных в подобных текстах, и попытка увидеть за многообразием субъективированных смыслов единство объективированных и репрезентированных в социальных отношениях позиций различных социальных групп. Важно отметить и то, что анализируется массив текстов, например, тексты, опубликованные в СМИ: в этом контексте дискурсивный анализ выглядит как стремление исследователя преодолеть рамки контент-анализа, позволяющего показать количественную наполненность текста теми или иными смысловыми единицами.

Однако надо сказать, что дискурсивные практики не являются однажды раз и навсегда заданными, они пластичны, востребованы или не востребованы в данном контексте, поэтому никакая практика не может быть точным повторением предыдущей. Каждое воспроизводство включает момент изменения, пусть даже минимальный. Со временем более ранние структуры разрушаются под воздействием более поздних. Здесь возникает взаимосвязь с выделением двух типов дискурса — устного

¹ Анри П. Относительные конструкции как связующие элементы дискурса. // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С.180

и письменного. Безусловно, письменный тип более устойчив и выполняет нормативную функцию в жизни общества, устный же — более пластичен и способен стать уточняющим и дополняющим фактором для формирования более позднего письменного дискурса. В поисках примера мы обратились к весьма содержательному историческому факту, зафиксированному Л. Шиффманом. Идея письменной и устной Торы была одним из краеугольных камней иудейской традиции. Толкователи Торы, используя уже существовавший канонический текст, интерпретировали его в соответствии с изменявшимися социальными практиками, избегая, таким образом, конфликтов и падения роли Закона в жизни иудейского общества. В данном случае суть вопроса не в том, какой из типов дискурса более важен, а в том, что они дополняют друг друга¹.

Историки, пожалуй, первыми столкнулись с кризисом методов анализа текстов. По меткому выражению Р.Робен, с их помощью «можно было доказать только то, что и так уже знали». Именно поэтому они расширили пространство дискурсивного анализа, методологически определив его структуру в качестве трех путей исследовательской деятельности, создав тем самым базовую структуру для дискурс-анализа в гуманитарных науках. Такой подход позволил открыть и описать дискурсивные формации в их историчности, отвечая на вопрос, какие темы были доступны или недоступны людям различного статуса, этнической принадлежности, культуры задолго до того как современники обратились к этим же проблемам. Составляющими этого метода были: тематический путь, ко-текстуальный анализ и составление корпуса².

Тематический путь прослеживает тему в рамках всех текстов, где она встречается. Он выявляет общие свойства для высказываний, встречающихся в разных архивах.

Ко-текстуальным анализом называется работа по реконструкции текста, иными словами — интерпретация различных высказываний и их соотнесение по смыслу друг с другом.

Составление корпуса — момент систематизации, позволяющий выделить столкновения, сопротивления, повторы, перемещения в языке, соотношение сил³. Именно на этом этапе могут быть применены методы, заимствованные из лингвистики: замена, гиперболизация и др.

Ряд современных исследователей сходится во мнении, что дискурсивный анализ (именно такую формулировку названия метода использует П. Серно) складывается в рамках этнометодологической традиции и во многом соотносится с техниками, используемыми при проведении разговорного анализа.

Однако существует целый ряд теорий в разных областях знания, которые позволяют соотнести процедуры дискурсивного анализа и функционирования дискурса с позиций интеракционизма и социального конструктивизма. Ниже мы приведем некоторые из них.

---

¹ Шиффман Л. От текста к традиции: история иудаизма в эпоху Второго Храма и период Мишны и Талмуда. / Пер. с англ. — М: «Мосты культуры», 2000.

² Робен Р. Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недопонимание. // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 194

³ Там же.

Три понятия — языковая структура, использование языка и социальная группа — лежат в основе сформулированного лингвистом Дж. Гамперцем классического определения речевого сообщества как любой совокупности людей, для которой характерно регулярное или постоянное взаимодействие на основе общих, известных всем языковых знаков и отличающейся от других подобных групп значительной разницей в использовании языка¹.

П. Бурдые подвергает сомнению понятие среднего стандартного языка как абстрактного объекта, искусственного инструмента, которым никто не пользуется ни для общения, ни для выражения собственных мыслей, ни для того чтобы завладеть ситуацией, то речь идет о некоем вымышленном языке. Если язык — это только то, что социально распределено, то получить средний язык — это иллюзорная затея. Тогда существуют только диалекты и социально распределенные манеры говорить. Одной из задач социологии, изучающей область языка, и является обнаружение этой дистрибуции, этих отношений иерархии и доминирования².

В статье «Дискурс, познание и социальная практика: обширная поверхность языка и социальное взаимодействие» Д. Эдвардс особое внимание уделяет соотношению разговорного анализа и дискурса. Он фактически постулирует то же, что и Т. Ван-Дейк, но с точки зрения дискурсивной психологии, а именно: язык как дискурс определяется не только наличием ментальных конструкторов, которые изучают психологи. Важен язык, погруженный в ситуацию, язык во взаимодействии его носителей между собой (*talk in interaction*). Дискурс — не продукт индивидуального сознания, дискурс надиндивидуален³. Рассматривая такое явление как интенциональность, Эдвардс поясняет, что возможность предсказать поступки другого человека основана на способности категоризировать его действия как участника событий с учетом знаний о его способности действовать и о его полномочиях в определенной ситуации, в которую он вовлечен⁴.

Таким образом, обеспечивается понимание построения контекста для любого текста — как общекультурного, так и межгруппового и межличностного. Благодаря первому уровню контекста — общекультурному — мы имеем возможность поместить текст в определенную область значений, характерных для той или иной эпохи, цивилизации, страны, этнической общности и т. д. Благодаря более низким уровням,

¹ Комина Н. А. Анализ дискурса в интеракциональной социолнгвистике. // Электронный ресурс: <http://psy.samara.ru/content.asp?&rid=54&id=135>

² Робен Р. Анализ дискурса на стыке лингвистики и гуманитарных наук: вечное недо-разумение. // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. С. 190.

³ Edwards D. Discourse, cognition and social practices: the rich surface of language and social interaction. // Discourse Studies — 2006. — №8.

⁴ Wodak R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. // Discourse Studies — 2006. — №8.

⁴ Edwards D. Discourse, cognition and social practices: the rich surface of language and social interaction. // Discourse Studies — 2006. — №8.

контекст приобретает ситуативные характеристики взаимодействия нескольких акторов, которые осуществляют интеракцию.

Попадая в общий контекст, все участники, равно как и весь процесс их взаимодействия, образуют единое поле смысловых значений, приобретают контекстуальную зависимость (context dependent) и находятся в ней до тех пор, пока ситуация не завершится. Именно такое помещение позволяет осуществлять манипуляцию в понимании Т. Ван-Дейка. Он рассматривает манипуляцию как социальный, когнитивный и дискурсивно-семиотический феномен¹.

Как социальный феномен манипуляция рассматривается потому, что она подразумевает взаимодействие, интеракцию нескольких участников — социальных акторов. Как когнитивный феномен манипуляция подразумевает трансформацию мышления участников в определенном направлении. И как дискурсивно-семиотический феномен манипуляция совершается посредством текста, выступления или визуальных сообщений.

Ван Дейк склоняется к тому, что при анализе манипулятивных стратегий нет необходимости учитывать психологические особенности участников, их характер, способность к обучению и др. Согласно его аналитической схеме, главным является процесс социального доминирования одних групп над другими, постоянно воспроизводящийся в повседневных практиках, включая дискурс.

Ключевыми персонами процесса манипуляции, который анализирует Т. Ван Дейк, становятся группы и их члены. То есть — носители определенных социальных характеристик. Он также проводит границу между участием в жизни кого-либо и манипуляцией, подразумевая под манипулированием не просто реализацию власти, а злоупотребление властью, приобретающее, в том числе, характер нарушения прав членов той группы, которая подвергается воздействию со стороны доминирующих.

Постоянное воспроизводство такой нелегитимной власти может быть обеспечено включением тех или иных тем в публичное обсуждение. Как только дискурс социальной группы становится публичным, он приобретает способ воспроизводства власти. Это относится к журналистам и ученым, к их влиятельным институтам — медиа-изданиям, университетам и т. д.²

Иначе говоря, иметь способность быть опубликованным или транслированным посредством медиа означает иметь способ воспроизводить власть. Манипуляция — одна из дискурсивных практик. Но большинство групп имеет вполне законное основание предоставлять информацию, например, преподаватели или журналисты. Поэтому необходимо оговорить, что манипуляцией может считаться только такое воздействие, которое совершается в интересах одной стороны и противоречит интересам доминируемых. А сами манипуляторы — авторы текстов или спикеры могут рассматриваться только как носители ролей, как члены группы доминирующих, и ни в коем случае не как индивиды, вступающие в межличностную коммуникацию. Отсюда — использование таких терминов, обеспечивающих понимание макроструктур,

---

¹ Dijk van T. A. Discourse and manipulation. // Discourse & Society — 2006. — № 17.

² Там же.

как «власть группы, организаций, институтов». Однако для дискурсивного анализа важно использование и микроструктурных компонентов, определяющих ситуацию взаимодействия.

Манипулирование людьми подразумевает манипуляцию их умами, то есть человеческими ценностями, такими как знания, мнения и идеологии, которые делают их действия подконтрольными¹.

Именно идеология делает индивида субъектом (Альтюссер), но при этом субъект может попадать в поле воздействия идеологии, которая направлена против него самого. Тогда это уже манипуляция, подразумевающая наличие или отсутствие сопротивления. Дискурсивный анализ позволяет определить ту тонкую грань, которая разделяет идеологию и манипуляцию, легитимное и нелегитимное убеждение в чем-либо и позволяет концептуализировать социально значимые и социально деструктивные техники производства смыслов, реализуемые различными социальными группами путем формирования дискурсов.

---

¹ Там же.